

Глава 1. ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЗАМЕЧАНИЙ О САМОЙ КОНЦЕПЦИИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Известное вообще — от того, что оно
известно, еще не познано.

Г. В. Ф. Гегель

Идеи проявляются непреднамеренно,
в процессе присвоения имен, и их
необходимо обновлять в процессе
философского размышления.

Вальтер Беньямин

Вступление

Эти заметки были вызваны раздражением по поводу вседесущего клише: «Теперь, когда холодная война закончилась, и так далее». В 1990-е годы каждая статья о международных отношениях начиналась с этой фразы, за которой часто следовала отсылка к другому общеизвестному факту — глобализации. Эта формула превратилась в расхожую экспертную оценку, своего рода рекламный слоган. Нетрудно понять, почему она стала настолько очевидной. Несомненно, в послевоенный период в геополитике доминировали отношения между США и СССР; и несомненно, с распадом Советского Союза что-то действительно закончилось. Однако такая беспроблемная периодизация скрывает качественные изменения в характере этих отношений. Например, мы забываем, что Ричард Никсон объявил об окончании холодной войны в Москве в начале 1970-х годов. Более того, как правило, конец одного периода задним числом приписывают началу

другого, а также всему периоду в целом, чтобы можно было переписать его историю в качестве объяснения очевидного. Таким образом, другие возможные периодизации либо отвергаются, либо просто вписываются в контекст, например, в рамках деколонизации, экономического подъема Японии и Германии или универсализации европейской модели национального государства.

Историки, недовольные таким упрощением исторической реальности, склонны видоизменять образ, не пересматривая саму суть концепции, а добавляя вспомогательные аспекты, призванные сделать эпоху более полной, реалистичной и достоверной. Один из способов добиться этого — вернуть на сцену второстепенных персонажей былых времен, например европейцев, в качестве расширенного основного состава. Другой способ — расширить саму сцену, включив в нее новых действующих лиц (например, из стран третьего мира) и аспекты (например, культуру). Третий вариант, возможно предпочтительный, заключается в том, чтобы сосредоточиться на архивных находках, ставших возможными благодаря завершению проекта, на источниках, расположенных на Востоке, и тем самым по умолчанию гарантировать, что переосмысление реальности отныне будет рассматриваться в контексте советских (и китайских) патологий. Все эти усилия имеют определенную ценность. По крайней мере, они часто приводят к важным эмпирическим открытиям. Тем не менее они, сами того не желая, двуличны, поскольку сглаживают ту самую историческую специфику холодной войны, для описания которой они изначально и предназначались. Они заполняют пробелы. Однако картина, которую мы пытаемся сложить, всегда будет расширяться. В архивах, да и вообще где бы то ни было, нет окончательной и безупречной истории холодной войны, которая ждала бы, пока ее раскроют.

Я же, напротив, утверждаю, что если термин «холодная война» и имеет какую-то объяснительную ценность, то его периодизация может быть достигнута только с помощью прямо противоположного процесса — тщательного и неуклонного

сужения понятия в ходе концептуального анализа. Периодизация всегда должна быть четко теоретизирована, и в конечном счете вопрос заключается в том, можно ли вообще дать определение понятию «холодная война», есть ли у него такое определение. В противном случае, возможно, лучше оставить его в ряду повседневных банальностей. Размышления о концептуальных предпосылках, на которых строится разговор о так называемой холодной войне, должны четко вписываться в ту самую оппозицию, которая в конечном счете и сформировала это понятие: война и мир. По крайней мере, следует задуматься о том, какую капитуляцию (или мир) предполагала и воплощала в себе холодная война, а это, в свою очередь, требует переосмысления наших представлений о войне и мире.

Мой подход скорее эссеистический, чем дефинитивный. Эти предварительные заметки, составленные на основе исторических данных и имен собственных, носят схематичный и неполный характер. После краткого (но не поверхностного) экскурса в историю понятий «война» и «мир» в заключительных заметках я делаю несколько основных тезисов. В основном я утверждаю, что (i) холодная война была проектом США и (ii) ее суть или логика были (непреднамеренно) сформулированы Франклином Д. Рузвельтом в напряженный период 1939–1941 годов и позднее воплотились в понятии «безоговорочная капитуляция». К 1963 году концепция холодной войны изжила себя, и идея капитуляции утратила актуальность: Карибский кризис в октябре 1962 года с ужасающей ясностью продемонстрировал, что США и СССР придется выстраивать отношения друг с другом; международный коммунизм перестал быть жизнеспособной концепцией после советско-китайского раскола; а извечная проблема Берлина была решена возведением Берлинской стены, как бы к этому ни относились. Это не означало прекращения вражды или вмешательства в дела друг друга, но на смену идее безоговорочной капитуляции пришли геополитическое соперничество и конкуренция. Теперь в порядке вещей было признание, и этот порядок не сводился к какой-либо обновленной реалистической матрице из прошлого

европейской истории, а представлял собой совершенно иную систему репрезентации. Эскалация войны во Вьетнаме, которую официальный Вашингтон преподносил как типичную операцию времен холодной войны, казалось бы, говорила об обратном. На самом деле последовавший за этим крах стал самой наглядной демонстрацией того, что время подобных идеологических начинаний прошло, и привел к кризису легитимности.

Короче говоря, я рассматриваю холодную войну как идеологическую доминанту, структуру, призванную закрепить гегемонию США после Второй мировой войны, превратив ее в неоспоримый факт, который в смягченном виде до сих пор является неотъемлемой частью поддержания либерального мирового порядка. Однако следует отметить, что эта структура не исключала отклонений от нормы. В 1955 году великие державы достигли соглашения о прекращении оккупации Австрии и закреплении ее нейтрального статуса¹. Этот эпизод стал заметным отступлением от привычной логики биполярного противостояния, но не породил новой модели международных отношений. Он остался локальным решением: исключение, а не правило. Общий проект холодной войны при этом не претерпел изменений. Следует добавить, что этот проект аналитически отделен от связанных с ним вопросов о происхождении, оправданности и, если уж на то пошло, причинах. Если подвергнуть сомнению полярность (которая сама по себе является проблематичной метафорой), то она предстанет не как сущность, а как своего рода ситуация, вокруг которой развиваются и вращаются другие процессы, отношения и противоречия, не имеющие с ней ничего общего, не говоря уже о том, что они не тождественны ей.

¹ Государственный договор 1955 г. был подписан СССР, США, Великобританией и Францией — четырьмя державами, оккупировавшими Австрию с 1945 г. Договор завершил десятилетнюю оккупацию и закрепил нейтральный статус страны. — *Примеч. науч. ред.*

1. Бонд и Лимас

Однако начнем с Джеймса Бонда в «Негритянском раю»². По крайней мере, так Ян Флеминг назвал главу в романе «Живи, пусть умирают другие»³ (1954), в которой Бонд отправляется в Гарлем. Изначально этот термин был расистским обозначением сегрегированных балконов в церквях и театрах, на которые обычно отправляли афроамериканцев, а впоследствии так называли бестселлер 1920-х годов о культуре Гарлема⁴. Злодей Флеминга — агент СМЕРШа (то есть советской контрразведки), известный как мистер Биг. Мистер Биг родом с Гаити, но сейчас он возглавляет гангстерскую империю в гетто и служит своим кровожадным московским кураторам. С помощью гаитянского вуду харизматичный мистер Биг обманом заставляет наивных чернокожих стать его армией шпионов-пехотинцев, которые очень эффективны, потому что, будучи слугами, они присутствуют во всех сферах (белого) общества, но при этом остаются невидимыми. Бонд удивляется, когда М⁵ рассказывает ему об этом экзотическом криминальном гении, ведь для агента 007 чернокожие люди кажутся «довольно законопослушными», если, конечно, они не перебрали с выпивкой. Однако М быстро расставляет все по местам. Оказывается, в жилах мистера Бига приличная доля французской крови вперемешку с гаитянской, что, возможно, объясняет его организаторские способности.

² «Негритянский рай» (Nigger Heaven) — название содержит устаревшую и оскорбительную лексику, поэтому в поздних переводах его смягчают, называют главу «Гарлемские высоты». — *Примеч. ред.*

³ Флеминг, Я. Живи, пусть умирают другие; Проект «Мунрэкер»; Живешь лишь дважды: романы / Я. Флеминг; пер. с англ. — М.: Пресса, 1994.

⁴ Ван Вехтен, К. Негритянский рай: [роман] / К. Ван Вехтен; пер. с англ. А. В. Швырова; (под ред.) А. Н. Горлина; обл. М. И. Соломонова. — Ленинград: Государственное издательство, 1928.

⁵ М — глава М16 и начальник Бонда; в романах Флеминга имя не расшифровывается и используется как условное обозначение руководителя разведки. — *Примеч. ред.*

Когда в самый разгар разрядки напряженности в 1972–1973 годах книга Флеминга была экранизирована⁶, мистер Биг предстал в совершенно ином свете. Теперь он — глава наркокартеля в Гарлеме, цель которого — наводнить американский рынок огромным количеством героина, производимого (что маловероятно) на карибском острове, который он контролирует в другом качестве и под другим именем. Бонда вызывают, чтобы он устранил эту угрозу западной цивилизации, которая, конечно же, не имеет никакого отношения к Советскому Союзу. К тому времени фильмы о Бонде уже несколько лет были посвящены борьбе с наднациональными и несоветскими угрозами. Дух (в гегелевском смысле) холодной войны, казалось, испустил последний вздох.

Это блестяще отражено в великолепном романе Джона Ле Карре «Шпион, пришедший с холода» (1963). Роман представляет собой удивительную череду инверсий основных бинарных оппозиций времен холодной войны. Пронизанный мрачной серостью, он высмеивал красочное очарование современных фантазий о Джеймсе Бонде. Стареющий шпион Алек Лимас, измученный экзистенциальными вопросами и цинично используемый своими британскими хозяевами, был куда более характерным представителем духа 1963 года, чем «воин холодной войны» из романов Флеминга.

Кажется, Флеминг однажды придумал для своего литературного поклонника Джона Кеннеди способ убить Фиделя Кастро, посыпав его бороду радиоактивным материалом. Шутка была воспринята всерьез. Тем не менее к 1963 году Джон Кеннеди уже задавался вопросом, не станет ли Договор о запрещении испытаний ядерного оружия моментом паузы в холодной войне и началом своего рода сотрудничества, концом одной эпохи и началом другой. Флеминг, скончав-

⁶ Живи и дай умереть: художественный фильм / реж. Г. Хэмилтон; в гл. ролях: Р. Мур [в роли Джеймса Бонда], Я. Котто [в роли мистера Бига / доктора Кананги], Дж. Сеймур. — Великобритания; США: Eon Productions, 1973.

шийся в 1964 году, начал размышлять о чем-то подобном еще в конце 1950-х, и в первом фильме о Бонде («Доктор Ноу»⁷, 1962) злодейский СМЕРШ был благоразумно заменен на СПЕКТР — надгосударственную организацию абсолютного зла. Кинематографический Бонд (или его продюсеры) обратил внимание на политику и все чаще обращался к комиксам во имя спасения мира.

2. Липпман (i), Барух, Своуп и Бофр

«Холодная война» — это целое семантическое поле, границы которого можно проследить с момента его появления в публичном дискурсе. Вопрос о том, кто на самом деле придумал этот термин, остается спорным. Осенью 1947 года книга Уолтера Липпмана, направленная против г-на Х (Джорджа Ф. Кеннана), сделала «холодную войну» общеупотребительным выражением, но и другие претендовали на авторство, причем не без оснований. Бернард Барух⁸, например, использовал этот термин в апреле того же года. Однако его речь была посвящена не холодной войне, а опасности инфляции и необходимости, по мнению этого финансиста с Уолл-стрит, чтобы американские рабочие работали дольше и не устраивали забастовок. Он позаимствовал этот термин (как он сам открыто признавал) у своего друга Герберта Байярда Своупа⁹, который, в свою очередь, говорил, что впервые услышал его

⁷ Dr. No: фильм / реж. Теренс Янг; в ролях: Шон Коннери, Урсула Андресс, Джозеф Уайзман. — Великобритания: Eon Productions, 1962.

⁸ Бернард Манес Барух (Bernard M. Baruch, 1870–1965) — американский финансист и государственный советник, влиятельный эксперт по вопросам экономики и национальной безопасности.

⁹ Герберт Байярд Своуп (Herbert Bayard Swope, 1882–1958) — американский журналист и редактор, первый лауреат Пулитцеровской премии (1917).

в контексте «фальшивой войны» 1939–1940 годов, которая не нравилась Свонпу. Липпман возражал, что позаимствовал его из французских источников в 1930-х годах: *la guerre froide* и *la guerre blanche* были синонимичными выражениями, обозначающими состояние войны без открытых боевых действий. Французские лексикографы подвергают сомнению его слова. Как бы то ни было, я бегло просмотрел современные словари и энциклопедии и не нашел там такого употребления — разве что в прямом смысле, в контексте Первой мировой войны в заснеженных Доломитовых Альпах. Однако в середине августа 1939 года капитан французской армии Андре Бофр опубликовал аналитическую статью о том, что он назвал *paix-guerre*, в которой указал на распространение промежуточных состояний между объявленной войной и миром. С его стратегической точки зрения, это было связано с трудностями ведения полномасштабной войны в условиях, когда прорвать оборону противника стало непросто. Последовавшая за этим *drôle de guerre*, казалось, подтверждала его точку зрения, но, конечно, она была опровергнута следующей весной блицкригом, который привел к поражению Франции всего за шесть недель. Тем не менее рассуждения Бофра свидетельствовали о том, что в конце 1930-х годов люди осознавали, что традиционные категории стали сомнительными.

Подробнее о промежуточном аспекте позже. Остается лишь отметить, что Липпман ввел термин «холодная война» в общее употребление как исторический и политический термин. Здесь представляют интерес два других предшествующих случая его использования: один — современником Липпмана Джорджем Оруэллом, другой — Доном Хуаном Мануэлем в начале XIV века в Кастилии (хотя при более внимательном рассмотрении последний случай оказывается не совсем точным).